

Секция «Юриспруденция»

Основные характеристики троцкизма как политико-правового учения

Уханов Антон Дмитриевич

Студент

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Институт права, Владивосток, Россия
E-mail: vin-chun.95@list.ru*

В настоящее время в различных исследованиях, особенно неосоциалистического, неомарксистского и неоанархического плана, происходит обращение к политико-правовым идеям Л.Д. Троцкого. Однако, эта фигура и его политико-правовое учение, практически не рассматривается при изучении политических и правовых концепций, доктрин. Кроме того, многие формы народного сопротивления, глобального социального движения, способы борьбы с властителями и проч. берутся (в чистом или искажённом варианте) многими современными политическими движениями. Поэтому считаем рассмотрение основных характеристик политико-правовых взглядов Л.Д. Троцкого не только достаточно актуальными с историко-правовой точки зрения, но и востребованными с точки зрения понимания современного развития правовых учений, политических движений и т.д.

Троцкизм, как политико-правовой феномен XX века, унаследовал черты своего автора, которого очень точно характеризуют слова Луначарского: «огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество...» [1, 345].

Троцкизм так же «одинок в мире», он противостоит как дружественным левым течениям, так и прямо противоположным правым. Это можно проследить на примере Испанской революции, когда троцкизм оказался между молотом социал-демократического оппортунизма, наковальной сталинизма и напором испанского национализма. С тех самых пор троцкизм, при всей своей богатой теоретической базе, становится окончательно невостребованным, а многие его последователи скатываются в доктринерство и сектантство. Можно предположить, что вернись Лев Давыдович в наше время он бы начал подготовку новой революции именно с разгрома «троцкистских организаций», а их лидеров подверг бы жесточайшей критике.

Троцкий сформулировал четкое определение красного, т.е. по существу народного террора, он определили его, как оружие, используемое против класса, который обречен на гибель, но не желает умирать [2, 72]. Восстание представляет собой единичный акт террора. В отличие от договорной теории права, рассматривающей восстание и революцию как естественное право, троцкизм видит в восстании высшую форму борьбы, являющуюся не правом, а отражающую диалектическую сущность процесса развития и историческую необходимость. Ведь сила, в его понимании, есть основание права [2, 74]. Отсюда следует вывод, что если народные массы недовольны действием властей, то их не должны и не могут останавливать легальные нормы права, т.е. у масс существует реальная сила и возможность всё изменить.

На этом примере можно увидеть разницу между легальностью и легитимностью правящей элиты. Таким образом, право действует как легальная сила, а легитимность,

образно говоря его стабильность и «срок существования».

Вообще слово «право» Троцкий использует в двух смыслах. Первый – это использование права во взаимосвязи с понятием «история», и в этом плане оно употребляется как «исторические права» [2, 12], т.е. как исторически обусловленная регулятивная сила, как возможность применения определённо значимых действий и конкретной форме, имеющих историческую обусловленность. Второе значение – это право как система «навязанных» государством нормативных требований и моделей, оно имеет у Троцкого негативный окрас, интерпретируется в виде очень тонкого и искусного инструмента эксплуатации, без какой-либо социальной ценности для прогрессивного человечества.

Здесь следует указать на то, что хоть троцкизм и наиболее близок к оригинальному марксизму, он не лишен чрезмерной левизны и радикализма, ставящего его в один ряд с анархизмом, выступающим по большому счету за уничтожение всякой власти и создание самоуправляющихся союзов свободных людей. Ликвидация семьи и формирование системы общественного обслуживания и ухода так же являются точками соприкосновения двух концепций. Троцкий прямо заявляет, что семья является архаическим, затхлым и косным учреждением [3].

Очень содержательны и политические прогнозы сделанные Троцким в 30-е годы прошлого века, он предрекает неизбежную войну, крах мирового социалистического движения, жесткую реакцию и роковую, при сохранении выбранного партией курса, реставрацию капитализма в России [3]. В этом же ряду находится критика Троцким соглашательства между коммунизмом и национализмом, он категорично отрицает эклектизм, считая, что из этого непременно вырастет ещё более ужасная форма угнетения, т.е. фашизм, прикрытый коммунистическими лозунгами и популизмом.

Вообще Троцкий в целом отстаивает сущностный подход к понимаю какой-либо идеологии, учения, концепции. Он выступает против суждения о чем-либо по одному узкому, внешнему и второстепенному признаку, считает, что невозможно таким образом создавать классификации и типологии. По его мнению, никак нельзя соединять и считать подобными сущностно противоположные идеи, для него критерием разграничения является классовая природа и объективный диалектический процесс развития [4, 252].

В связи с мировыми тенденциями к глобализации идея перманентной революции может восприняться в нашу эпоху совершенно по-новому. Сейчас может идти речь не о постоянной, непрерывной социалистической революции, сменяющей общественно-экономические формации, а о всеобщей интеграции стран в мировое сообщество со сращиванием культурных и национальных основ. Данная идея видится не менее утопичной, чем оригинальная. Таким образом, перманентная революция переносится на более тонкий уровень и проходит не в области фундамента, а сразу изменяет надстройку.

Литература

1. Троцкий Л.Д. Силуэты: политические портреты. М.1991.
2. Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. СПб., 2010.
3. Троцкий Л.Д. Преданная революция. Режим доступа: http://lib.ru/TROCKIJ/trockij1.txt_with-big-pictures.html

4. Троцкий Л.Д. Мировая революция. М.2012.

Слова благодарности

Автор выражает признательность своему научному руководителю доценту кафедры теории и истории российского и зарубежного права ВГУЭС, к.ю.н. Мамычеву Алексею Юрьевичу.